

бытии во Владимир Петр нашел врага себе в лице великого князя Михаила Ярославича, тогда по необходимости он должен был обратиться к врагу последнего — Юрию Даниловичу Московскому. У него стал часто проживать в Москве, имел свой двор в двух местах. Преемник Юрия — Иван Данилович, задавшись мыслью навсегда удержать митрополитов в Москве, дабы обеспечить успех своему замыслу — сделать Москву столицей великого княжения, упросил Петра согласиться быть погребенным в Москве, вместо Владимира, на что митрополит, сочувствуя феодальным стремлениям князя, дал свое согласие. Новелла передает как бы впечатление от этого факта, совершенно игнорируя действительность. Она отражает также пророчество Петра о будущей славе Москвы, вошедшее в его житие.

В Новелле намечаются две части: в первой рассказана занимательная повесть о любви Данииловой княгини Улиты к Кучковичам, следствием чего явилось изменническое убийство суздальского князя Даниила Александровича. Вторая повествует об основании Москвы братом Даниила Андреем и о дальнейшем расцвете стольного города. Части механически связаны эпизодом мести братней — наказанием Андреем убийц. Вся композиция очень далеко ушла от средневекового рассказа о Боголюбском восстании. Автору был знаком комплекс преданий, из которых составила Хронографическая повесть, но, несомненно, последняя была главным источником Новеллы. В этом убеждают мотив любви Улиты к обоим Кучковичам — осмысление заговорных сношений княгини с Петром и Якимом в Хронографической повести, и, главное, мотив связи убийства князя с основанием города.

Новелла, впрочем, увлекшись романтическим рассказом, совсем позабыла об основании Москвы в первой части; вспомнила она об этом только во второй, механически пришитой к роману, лишенной всякого движения. Эта часть целиком проработана по той «московской летописи», которая, как указано, нередко сопровождала Хронографическую повесть. Сокращенные списки Новеллы как раз сжимают эту вторую риторическую часть, благодаря чему получается впечатление, что все произведение удалено от московско-фильской точки зрения, в чем нельзя упрекнуть Хронографическую повесть. Не спасает и удачно выбранный эпитаф, рассчитанный на вторую часть Новеллы.

Если Хронографическая повесть создавалась в XVII в., то Новелла, принадлежащая тому же веку, — немногим позже. Самые ранние списки Новеллы — конца XVII в., и на редакции она не успела разбиться.